

УДК 101.8; 167.7

Ю.В. Пушчаев

КОНЕЦ МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ, ИЛИ МЕТОДОЛОГ НАУКИ КАК «ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК»

*Институт научной информации по общественным наукам РАН
Москва, Россия, putschaev@mail.ru*

В статье доказывается, что современный крен в сторону прикладных наук и технологий был заложен в самые основания новоевропейской науки и представляет собой неизбежную и финальную стадию ее развития. Это делает ненужной методологию науки как выдающую предписания и методологические рекомендации ученым. Делается предположение, что сегодняшняя задача философии науки могла бы состоять в осознании своей свободы от конкретных наук и осмыслении причин своего «неуспеха», почему она в конечном итоге оказалась ненужной позитивному научному знанию. Также в статье критически анализируются феномены междисциплинарности, креативности и креативного сознания.

Ключевые слова: философия науки; методология науки; методолог науки; научный метод; междисциплинарность; проблема демаркации; прагматизация познания; креативность; креативное сознание.

Поступила: 20.05.2017

Принята к печати: 20.05.2017

Yu.V. Puschaev

The end of methodology of science or methodologist of science as unwanted person

*Institute of scientific information for social sciences
of Russian academy of sciences
Moscow, Russia, putschaev@mail.ru*

It is argued in the article, that modern bank in the side of applied sciences and technologies was established in the very foundations of the new European science. That's why it is necessary and may be final stage of its development. It makes unnecessary and even unwanted methodology of science and methodologist of science. That's why modern task for the philosophy of science may consist in awareness of his freedom

from concrete sciences and comprehension of the causes of his «failure». In the article are also critically explored phenomena of c interdisciplinarity, creativity and creative consciousness.

Keywords: philosophy of science; methodology of science; methodologist of science; method of science; problem of demarcation; pragmatism of science; creativity; creative consciousness.

Received: 20.05.2017

Accepted: 20.05.2017

Проблематика «конца времен» или «конца эпохи» имеет свое очевидное преломление и в отношении современного научного знания, в силу его чрезвычайной важности для сегодняшней техногенной цивилизации, тех тектонических сдвигов, которые произошли в современной науке во второй половине (особенно к концу) XX в. Это нашло свое яркое выражение в философии науки и методологии научного знания. В наше время уже безвозвратно ушли в прошлое классические научные методологии, претендующие на создание универсального научного метода, который бы, с одной стороны, пытался адекватно описывать научное знание, его структуру и функции, а с другой – претендовал бы на то, чтобы давать представителям конкретных наук точные методологические указания, как им действовать и познавать.

На смену попыткам отыскания такого единственного и универсального научного метода пришла проблематика, связанная с так называемыми междисциплинарными исследованиями (далее м-исследования). Однако смена методологической парадигмы как пробуждает новые надежды, так и ставит новые, весьма тревожные вопросы, связанные с проблемой существования самой науки и с вопросом о том, есть ли у нее вообще как у дальнейшего теоретического познания мира (а не только его практического освоения) позитивное будущее. Не означает ли смена методологической парадигмы конец науки в ее самом общем классическом смысле, чья главная цель – познание объективной истины о независимо существующем мире?

С одной стороны, популярность и взрывообразный рост количества м-исследований в тематике научных занятий может говорить о том, что современная наука вскрывает новые проблемные области, которые находятся на стыке разных дисциплин, что в этом явственно выражается научный прогресс. Однако то, что представляется преимуществом, с другой стороны, вдруг может

показаться недостатком, даже своеобразным показателем упадка науки, если ее главной задачей по-прежнему считать получение объективного знания о мире. Эпистемологи сейчас, например, неслучайно ставят и такой вопрос: «Междисциплинарность – это преимущество или недостаток исследовательского проекта?» [Касавин, 2010, с. 15–16].

В чем одна из важных проблем с междисциплинарностью? Если речь идет о методе, в данном случае – методе или методах м-исследований, то должны быть и методологические указатели, и ограничители касательно того, какие науки и дисциплины и как именно вступают друг с другом в междисциплинарный союз. Как вообще возможен метод или путь, который сам состоит в уникальном всякий раз сочетании разных путей, непредсказуемых встреч разных дисциплин? Можно ли в ситуации м-исследований вообще говорить о методе в его традиционном смысле? Если метод или сочетание методов всякий раз разное и особенное для каждого конкретного познавательного случая, есть ли научный метод тогда вообще?

Поиски метода в истории новоевропейской философии напоминали попытку создания своего рода «теоретико-логического вездехода», который пройдет везде, все в мире объяснит (кантианский вариант: из того, что поддается объяснению, но эта сфера четко очерчена и отдана человеку как бы в овладение и усвоение) и ни перед чем не остановится. В каком-то смысле возникновение метода в истории новоевропейской классической философии можно также охарактеризовать как попытку создания волшебной палочки или золотого ключика, которым можно отомкнуть целый мир. Философия, этот метод открывающая и формулирующая, претендует на роль царицы наук, науководительницы.

Когда мир начал ускользать от науки и философии, начались своего рода обходные маневры и попытки, более тонко пытавшиеся решить эту проблему. Одна из них составляет значимую страницу в истории советской философии.

Талантливый советский философ Эвальд Ильенков, марксист и гегельянец, в 1950-е годы вступил в полемику с официозной философией и классическим диалектизмом, утверждавшими, что философия познает и абстрагирует наиболее общие закономерности мира. Нет, говорил Ильенков, предмет философии – не мир непосредственно. Ведь тогда философия будет всегда плестись в

хвосте у других наук и просто оформлять последние сводки с научных фронтов. Ее предмет – не мир (он предмет целой совокупности самых разных наук, каждая из которых изучает свой регион сущего), а мышление, закономерности познания.

Усвоивший горький опыт, когда марксистско-ленинская философия пыталась непосредственно руководить конкретным развитием тех или иных наук и часто попадала впросак, Ильенков выдвинул тезис, что философия теперь не царица, а равноправная сотрудница среди других наук. У нее ведь есть свой строго очерченный предмет – мышление, и эта проблематика совпадает с вопросом о подлинном научном методе. Ведь философию, по Ильенкову, интересует не просто мышление, но мышление в аспекте проблемы истины и познания мира. Тем самым философия наконец-то отрешается от непомерных для нее претензий на то, чтобы руководить абсолютно всем, а на деле лишь дилетантски обобщать и популяризировать последние научные достижения.

Но ведь, с другой стороны, Ильенков утверждал, что любая наука является наукой лишь в той степени, в какой она руководится научным диалектическим методом «от абстрактного к конкретному», который как раз и есть предмет философии. И получается, что через эту методологическую, а значит, все равно руководящую роль в других науках философия завуалированно сохраняет статус «царицы наук», пусть сама уже как бы и стесняясь этого своего статуса и скромничая. Марксизм как одна из версий эпохи Просвещения не мог отказаться от установки, что мир в принципе познаваем в своей сути и что наиболее полно истина достигается и реализуется именно в науке.

В сегодняшней популярности и распространенности исследований можно видеть еще одно подтверждение крушения традиционной картины научного знания в его целостности, например по Декарту. Напомню, что у него корни «древа познания» – метафизика, ствол – физика, а каждая ветвь – отдельная наука. Так у каждой дисциплины есть свое строго отведенное место, которое соответствовало определенной области реальности. Теперь же эти ветви переплетаются в каких-то совершенно неожиданных сочетаниях, а корни и ствол вообще живут независимой друг от друга жизнью. С одной стороны, в этом можно видеть новый, как говорят американцы, вдохновляющий пример или потенциал. Научное творчество становится более свободным. Исследователь получает

свободу действовать в разных областях, «брать свое там, где увидит свое». Сама рубрикация «междисциплинарные исследования» дает санкцию на такую стратегию. Но, с другой стороны, как тут избежать, например, произвола и появления квазинаучных мутантов?

Опять-таки, то, что, с одной стороны, предстает как интеграция наук, с другой – выглядит как дробление ранее единого поля познания на раздробленную совокупность не связанных друг с другом познавательных ситуаций или «кейсов», случаев.

Вот пример неожиданного междисциплинарного смешения, вызывающий, мягко говоря, вопросы. Например, оказывается, уже есть такая новая наука, как *погранология*. Так, в Интернете я недавно встретил рассуждения (и эта ссылка теперь уже не существует, что тоже крайне характерно) о «науке о государственных границах». Объектом исследования в ней объявлялся «мир пограничного, пограничные пространства, предметом – деятельность государственных институтов по защите жизненно важных интересов личности, общества и государства в пограничном пространстве РФ». Причем погранология «активно использует междисциплинарные и комплексные исследования, проводимые средствами нескольких различных научных дисциплин, конкретное сочетание которых определяется характером исследуемых актуальных проблем. Она находится на перекрестке военных, оперативных, технических наук, экономики, политологии, права и других отраслей научных знаний, в чем выражается ее комплексный, интегративный характер. Основной мировоззренческой установкой П., определяющей цели и задачи исследований, познавательную ориентировку ученых, является державность – стержень российской национальной доктрины».

Я ничего не имею против державности как мировоззренческой установки, но все-таки в менее экзотических контекстах. Но отметим здесь, во-первых, что эта так называемая погранология в своих декларациях о себе предельно прагматически ориентирована. А м-исследования прежде всего и характерны для так называемых прикладных дисциплин, пусть и менее экзотических, но очень эффективных по мощи и результатам. Переступание дисциплинарных границ и сближение разных дисциплин в рамках NBIC-технологий (nano-, bio-, it-, cognitive технологии) дает возможности даже для трансформации человеческой природы.

Порой м-исследования – это амальгама разных методов, спонтанная и преимущественно нерerefлексивная, когда исследователь вообще не задается вопросом о методе как таковом, разве лишь о рецепте действий. Отсюда возникает определенный произвол: раз никто толком не знает, что такое м-исследования, то ими можно называть в принципе все что угодно, как видно на примере с новейшей наукой погранологией.

Расскажу и пример из собственных занятий. Восемь лет назад, в 2009 г. у меня вышла книга «Политика и дружба» [Пуцаев, 2009]. Повод для ее написания состоял в том, что вокруг себя в то время я стал наблюдать много ссор из-за политики. Книгу я писал как попытку разбора того, почему друзья или близкие люди начинают ссориться на основаниях, которые обобщенно можно назвать политическими. Я черпал материал для размышлений из самых разных областей – античная политическая философия, история Советской России, Древнего Рима, нацистской Германии, разные казусы из современности, особенности поведения людей в виртуальной сфере и др. Заметным был квазирелигиозный характер подобных ссор. Из использовавшихся методов в книге было что-то от феноменологии, что-то от истории, что-то от социологии, но в целом это было довольно хаотическое интеллектуальное предприятие.

Когда я отдал рукопись в издательство, то ждал ответа. Естественно, волновался. Книгу к публикации одобрили – в том числе потому, что, как было сказано во внутренней рецензии, она представляет собой «хороший пример м-исследований». «Так вот что такое, оказывается, междисциплинарность», подумал я тогда. В каком-то смысле я оказался в ситуации героя Мольера, который говорил прозой, сам того не зная. Как позже сказал один мой друг про мое произведение, «книга неплохая, но у нее есть одна особенность: начинать ее читать можно с любой главы, и далее в любой последовательности». То есть ей присуща очевидная аметодичность, которую для важности тоже можно поименовать примером м-исследований. Кстати, в качестве основного мной двигал тоже прагматичный мотив: книга была чем-то вроде призыва «ребята, давайте жить дружно!» в ситуации все более углублявшегося общественного раскола. Все это было утопично и наивно. Сейчас я на этот счет питаю гораздо меньше иллюзий и вообще уже не столь «гуманен».

* * *

Вплоть до второй половины XX в. научному методу в философии и философии науки обязательно приписывали две основные функции, которые органически были между собой связаны.

1. *Функция описания.* С одной стороны, научный метод содержит адекватное, истинное описание науки и научной деятельности как она есть. Философ проникает в скрытые механизмы научной деятельности и описывает их.

2. *Функция предписания, или методологического руководства.* С другой стороны, на основе этого проникновения в существо науки как она есть метод должен давать рекомендации ученым и конкретным наукам, как им действовать, чтобы их деятельность была успешной. То есть научный метод, эксплицированный в специальных логико-философских занятиях, должен быть доведен до сознания ученых и выполнять руководящую роль в их научной деятельности.

Эти функции в истории методологии науки выступали в неразрывном единстве вплоть до знаменитой книги Томаса Куна «Структура научных революций», вышедшей в 1962 г. У Куна наука и механизмы ее развития также описываются, но никаких методологических рекомендаций Кун ученым уже не дает и при его понимании сути науки дать уже просто не может. Дело в том, что до Куна сохранялась и среди многих ученых и философов превалировала вера в то, что наука способна описывать реальность как она есть или способна к ней как минимум планомерно приближаться. Кун же доказывает, что смена парадигм в истории науки происходит не по принципу приближения к реальности, а имеет скорее психологические причины. Происходит что-то вроде «смены аспекта» (аналогично на специальных картинках можно видеть то кролика, то утку, но никогда кролика и утку одновременно), когда ни одна картина мира по большому счету не является более верной, чем другая.

Таким образом, методологические руководящие предписания ученым философия науки стремилась выработать лишь на основе уверенности, что наука способна постигать действительность и что научное знание не представляет собой набор равнозначных в плане истинности альтернатив. С Куна начинается превалирование убеждения, что реальность многоаспектна и все

аспекты равны с точки зрения их соответствия реальному положению дел.

То есть утрата методом функции руководства научной деятельностью связана с утратой веры в то, что наука действительно познает мир как он есть и что познание не есть «океан расходящихся альтернатив».

Чем сегодня занимается философия науки? В большой степени она представляет собой так называемые *case studies*, разбор различных локальных случаев из истории познания, сопровождаемый подчеркиванием его исторической и социальной природы.

Современное состояние философии науки можно описать двояко: это одновременно и симптом болезни, и ее диагноз. Она убедительно выявила и доказала нереализуемость идеалов так называемой классической рациональности, но не предложила, по сути, взамен ничего нового. Ее современное состояние – это ситуация кризиса. Кризис имеет место не только потому, что практически с 70–80-х годов XX в. в ней больше не было предложено ни одной яркой концепции науки, которая претендовала бы на универсальную философскую значимость. Дело в том, что последняя предложенная П. Фейерабендом яркая и заметная концепция науки была по большому счету самоотрицанием философии науки. Приведем обширную цитату из книги А.Л. Никифорова «Философия науки» из раздела, посвященного П. Фейерабенду:

Современное состояние аналитической философии науки можно охарактеризовать, пользуясь терминологией Куна, как кризис. Парадигма, созданная логическим позитивизмом, разрушена, выдвинуто множество альтернативных методологических концепций, но ни одна из них не может решить стоящих проблем. Нет ни одного принципа, ни одной методологической нормы, которые не подвергались бы сомнению. В лице Фейерабенда аналитическая философия науки дошла до выступления против самой науки и до оправдания самых крайних форм иррационализма. Однако если исчезает всякая грань между наукой и религией, между наукой и мифом, то должна исчезнуть и философия науки как теория научного познания. За последние полтора десятилетия в философии науки не появилось, по сути дела, ни одной новой оригинальной концепции, и сфера интересов большей части исследователей постепенно смещается в область герменевтики, социологии науки и этики науки...

«К внутренним источникам кризиса можно отнести отказ философии науки от принципа отражения и от понятия истины». И «пока, – пишет дальше Никифоров, – не видно новых исследовательских программ, которые позволили бы преодолеть существующий кризис. Однако в данном случае для нас важнее то, что вразумительный ответ на вопросы, касающиеся природы науки, ее методов, ее структуры и развития, способна дать только философия науки. Поэтому она заслуживает изучения» [Никифоров, 1988, с. 119].

Конечно, с одной стороны, на Фейерабенде развитие философии науки не прекратилось. Возникали и возникают новые концепции как в западной философии науки, так и в отечественной, вызывающие споры в профессиональной среде. Однако есть два существенных обстоятельства, ставших причиной того, что именно Фейерабенд стал своеобразной вехой. Во-первых, ни одна концепция с тех пор не может претендовать на то, что она станет своего рода общезначимой парадигмой в философии науки, какими были поочередно концепции Венского кружка, Поппера, Куна. Во-вторых, сильно меняется сам характер философии науки. Она окончательно становится лишь совокупностью попыток описания научной деятельности, но больше не занимается методологическими предписаниями науке (подробнее об этом чуть ниже).

П. Фейерабенд знаменит тем, что выдвинул концепцию методологического анархизма. Само название его главной книги 1975 г. характерно: «Против метода». Для науки, говорит он, хороши любые методы, и чем их больше, тем лучше. Все это увеличивает «океан альтернатив». Годится любой метод, который увеличивает разнообразие.

Кстати, здесь лишний раз помимо прочего видно, что в основе как заметной части западной философии, так и западной научной и общественной практики вообще лежит стремление к интенсификации жизненного и деятельного процесса как самоцели. Это своеобразный вариант философии жизни, уже на базе науки, в которой главное – это претензия на рост знания как самоцель, за чем в глубине, на мой взгляд, стоит рост жизни, стремление к нему.

Главный методологический тезис Фейерабенда «Anything goes»: «Всё годится», «всё пойдет». Поскольку годится всё и ценна любая концепция, позволяющая взглянуть на мир иначе, наука для Фейерабенда уже не отличается от религии, мифа, и т.д. И дальнейшая философия науки как отдельная дисциплина так и не

смогла ничего Фейерабенду возразить в том смысле, чтобы предложить альтернативное общепризнанное понимание сути научного метода. Фейерабенд своей анархистской концепцией зафиксировал принципиальное отсутствие вообще какого-либо нормативного метода, который раньше стремилась выработать философия науки.

Выделим специально два пункта, в которых выражается кризис философии науки.

А. Провал попытки демаркации науки.

Традиционное занятие философии науки до середины XX в. – демаркация науки и ее отделение от религии, идеологии, мифа и др. – потерпели крах. Как говорится в одной книге, посвященной современному состоянию теории познания и философии науки, «сегодня отечественные методологи и философы науки вообще избегают тематики, связанной с попытками методологически точно определить науку, сформировать четкие критерии научности» [Пружинин, 2009, с. 21].

Например, я помню свой шок (эх, наивный я был тогда человек, совсем неискушенный) на аспирантских лекциях по философии науки в Институте философии РАН в 2006 г. Лектор стал нам не без ироничного вызова доказывать, что даже каббала теперь с точки зрения тех результатов, которые получила философия науки, может считаться наукой. Мое первоначальное негодование было столь велико, что я даже тихо покинул аудиторию, сочтя лекцию лишь интеллектуальным эпатажем.

Б. Современная философия больше не формулирует и не определяет методологические нормы для науки, не пытается формулировать идеал рациональности (какой наука должна быть).

«Нормирующие функции философии науки свелись на нет, а ее предмет потерял четкие очертания... Поле философско-методологических размышлений о природе и параметрах научно-познавательной деятельности фактически потеряло целостность, распалось на отдельные направления... Собственно философия из них уходит, и они приобретают все более позитивно-научный характер (от исторических исследований до когнитологических). Самоустранение философии из области формирования методологического сознания науки оборачивается размыванием предметных границ между философией науки, социальной историей науки, социальной психологией, когнитивной социологией науки и пр.» [там же, с. 23].

Между тем вплоть до 60–70-х годов XX в. эпистемология и методология науки преимущественно мыслили себя как имеющих непосредственное практическое значение для науки и решающих задачу эксплицирования и формулирования подлинного научного метода.

* * *

Начало учению о научном методе в Новое время положили рационалист Р. Декарт и эмпирик Ф. Бэкон. И Бэкон, и Декарт, несмотря на все имеющиеся между ними разногласия, понимают науку как неразделимое сплетение, соединение истинного познания мира и практической мощи в его освоении. Правильный метод познания должен обеспечить как познание истины, так и возможности практического применения науки. Бэкон: «Знание и могущество человека совпадают, ибо незнание причины затрудняет действие. Природа побеждается только подчинением, и то, что в созерцании представляется причиной, в действии представляется правилом» [Бэкон, 1972, с. 12].

В новоевропейской науке происходит смещение от вопросов «почему?» и «зачем?» к вопросу «как?». Больше уже интересуют не сокровенное внутреннее устройство природы, но описание и предсказание явлений в смысле их количественного понимания. Количественное понимание явлений – суть современной физики, говорит в своей книге «Мечты об окончательной теории» лауреат Нобелевской премии по физике за 1979 г. С. Вайнберг.

Естествоиспытатель в Новое время начинает рассуждать во многом как техник-изобретатель, конструирующий модель или прибор. Для него важны не столько средства и материал конструирования этой модели и их соответствие тому, что моделируется, сколько ее эффект, то, может ли модель воспроизводить имеющееся в действительности движение и вызывать феноменологически наблюдаемые эффекты. Сама природа здесь отождествляется с механизмом, машиной (*machina mundi*): «Искусный мастер, пишет Декарт, может изготовить несколько часов так, что все они будут показывать одинаковое время, даже если в конструкции их колес не будет никакого сходства; поэтому и нет нужды доискиваться сходства в колесах часов, достаточно понять принцип их работы. То же самое должно иметь место и по отношению к познанию природы.

Прежде наука стремилась понять природу в ее, так сказать, внутреннем устройстве, но, согласно Декарту, достигнуть этого невозможно, да и не нужно. Важно лишь одно: чтобы все вещи сконструированного нами мира вели себя так, как ведут себя вещи в мире реальном. Иначе говоря, чтобы часы, созданные нами, и часы, сотворенные божественным Мастером, показывали время одинаково. “Я почту себя удовлетворенным, – заключает Декарт, – если объясненные мною причины таковы, что все действия, которые могут из них произойти, окажутся подобны действиям, замечаемым нами в явлениях природы”» [Гайденко, 2000, с. 159–160]¹.

Дело в том, что, во-первых, в новоевропейской науке принцип конструирования и практического действия с самого начала был положен в само основание теоретического знания. Теория – это скрытая или полускрытая практика овладения миром. Знать в этом контексте – значит воспроизводить и в уме, и на практике эффекты действующих причин, причем сами причины эффектов знать не обязательно. Природа действующих сил или причин остается за пределами естественно-научного рассмотрения.

Во-вторых, сам по себе прием научной объективации, когда предмет должен предстать как объект, у которого для исследователя не должно быть ничего скрытого и неконтролируемого, дает санкцию на любое воздействие на этот объект к выгоде человека. Как следствие, он становится открыт и для манипуляций над ним.

Поэтому для методического понимания новоевропейской науки и характерно неразрывное сочетание двух целей или установок:

- 1) на теоретическое объективное познание, на поиск истины;
- 2) на практический результат, на овладение теми или иными силами и возможностями природы или мира.

В сегодняшней науке все более дает о себе знать крен во вторую сторону, упор на вторую установку. Фундаментальные исследования все более отходят на второй план, все более теряют значимость и престижность в сравнении с практическими исследованиями, ориентированными на быстрый утилитарный эффект. А прагматизация познания и является во многом причиной распространности м-исследований. Методы исследований стано-

¹ Цит. по: Декарт Р. Избранные произведения. – М.: Государственное издательство политической литературы (Политиздат), 1950. – С. 540–541.

вятся утилитарными и локальными в соответствии с господствующими целями и интересами.

Очень важно подчеркнуть, что сегодняшний упор на прагматический результат познания обусловлен не просто тем, что теряется экзистенциальная составляющая научной деятельности как бескорыстной «воли к истине». Выход на первый план прикладных наук обуславливается развитием самого познания, эволюцией самих наук. Это следствие потери уверенности в том, что фундаментальные науки действительно могут добраться до истины, до абсолютного или соотносимого с абсолютным относительного знания, до фундамента бытия.

Произошло во многом закономерное падение престижа традиционной фундаментальной науки. Ведь сегодня мало кто верит в то, во что еще активно верили многие вплоть до середины прошлого века: что наука может познать мир в самых его основах и даже помочь с отысканием смысла жизни человека. Зато теперь очень наглядно демонстрируется, что наука прекрасно может создавать новые технологии и делать жизнь очень удобной. Конечно, признается и право на существование у фундаментальных наук, наличие у них своих автономных проблем, которые лежат в области «чистого познания», но они уже не вызывают в обществе былого энтузиазма, и это закономерно.

Действительно, ни в одной науке, включая математику и физику, нет общепризнанной картины ее оснований, которая предстала бы единой и уникальной парадигмой, на базе которой можно было бы увериться в возможности существенного движения вперед в познании мира (как это было в XVIII–XIX вв. с ньютоновской физикой). «Кризис оснований» в физике, начавшийся в конце XIX в., в каком-то смысле не устранен до сих пор. Это выражается в спорах вокруг полноты квантовой механики, безуспешных попытках создания в физике различных объединительных теорий, призванных объяснить в единой концепции четыре фундаментальных взаимодействия.

Мир сопротивляется наступлению фундаментальных наук, ускользает от них, что выражается в:

а) дороговизне новых фундаментальных исследований, когда каждая крупница нового знания достается ценой все больших затрат. Например, Большой адронный коллайдер (БАК) стоил около 8 млрд долл., его сооружали 14 лет. В строительстве коллайдера

и исследованиях при нем участвовали и участвуют более 10 тыс. ученых и инженеров из более чем 100 стран;

б) в специализации и все более прогрессирующей утрате целого, поскольку мир оказывается слишком огромным и в то же время чересчур подробным и разнообразным для уловления его мыслью, слишком дробным и дифференцированным. Уже несомненным стало отсутствие соразмерности индивидуального мышления и научной работы, которая приобретает коллективный проектный характер. А «воля к истине» – это все-таки индивидуальное качество;

в) вера в возможность достичь объективной истины теряется из-за того, что ускользает и сам объект. Это явственно видно в самой фундаментальной, пожалуй, науке, которая идет вглубь, к самым элементарным кирпичикам мироздания, – физике микромира или квантовой механике.

Некоторые теоретики познания, озабоченные утратой классических идеалов рациональности и пустотой, возникшей на их месте, с горечью констатируют, что для философии науки больше не является релевантным понятие истины как соответствия теорий и идей объективной и независимой реальности. Но почему это вообще произошло в философии науки? Что является причиной такой эволюции? На мой взгляд, «утрата данности объекта субъекту познания» имеет место в философии науки потому, что понятие объекта претерпело очень сильные и сложные трансформации в самих науках, прежде всего в ядерной физике.

В целом в основах новоевропейской науки лежит объектно-субъектная схема. В этом плане любая наука – «картина мира». Но развитие современной науки пришло к размыванию и деструкции этого изобразительного отношения, к тому, что она все более и более перестает восприниматься как «мимесис», отражение или изображение чего-то конкретного.

С одной стороны, наука в самих своих основах предполагает, что необходимо представить ее предмет как объект, доступный для наглядного изучения. Чтобы было возможно в каком-то смысле указание – «вот эта вещь». Она была и есть независимо от нас, мы ее открыли, вот она. С этим, кстати, связана и «недонаучность» гуманитарных дисциплин с точки зрения наук естественных: их предмет невозможно объективировать в достаточной мере.

Объективирование предмета науки легко происходит, условно говоря, в «средней полосе» науки. Но не в ее основах. Зна-

менитые «Лекции по физике» Р. Фейнмана начинаются со следующего утверждения: если выразить идею, которая лежит в основе науки («утверждение, составленное из наименьшего количества слов, которое несет наибольшую информацию»), то это мысль о том, что все в мире состоит из маленьких неделимых тел – атомов. Это, по Фейнману, своего рода научная «идея идей», из которой выросло все грандиозное здание современной науки.

С другой стороны, воспроизведем один характерный тезис из знаменитой книги В. Гейзенберга «Часть и целое». В первой главе он излагает спор начинающих физиков о философских проблемах квантовой механики. В ходе спора-размышления высказывается следующее утверждение: «Атомы, возможно, вовсе не вещи» [Гейзенберг, 2001, с. 14]. Гейзенберг не заканчивает спор этим тезисом, это у него только одна из позиций по поводу проблемы объекта в квантовой механике, но само ее наличие очень характерно. Если атомы, лежащие в основе вещей, не вещи, то что они такое? И насколько тогда сами вещи являются вещами, если они составлены из не-вещей?

Как раз в силу принципиального отсутствия возможности изобразительного здесь отношения нельзя понять, что конкретно представляют собой микрочастицы. Что это за своего рода кентавр – волна или частица? При помощи физики микромира создаются мощнейшие технические изобретения и вызываются энергии невиданной силы, но что такое элементарные частицы сами по себе – это неизвестно, как это ни парадоксально.

Однажды Нобелевский лауреат по физике С. Вайнберг спросил одного своего знакомого, куда пропал с горизонта один их студент, который раньше подавал большие надежды в квантовой механике как теоретик, но о котором на старших курсах уже ничего не слышно.

Тот в ответ грустно покачал головой:

– Он попытался понять квантовую механику

Получается, с точки зрения нормального, успешного физика квантовую механику не надо пытаться понимать, с ней «просто» надо работать.

Более того, принципиальная неуловимость элементарных частиц заложена в фундамент квантовой механики, является ее условием как научной теории: «По Хайдеггеру, гейзенберговское соотношение неопределенностей – способ средствами все того же

объективирующего метода зафиксировать в виде надежной, пусть статистической закономерности и тем самым сделать достоянием научной системы даже ту “контратаку” действительности, в которую она перешла, когда внезапно перестала в атомной физике укладываться в традиционные научно-объективирующие понятия» [Бибихин, 1993, с. 421].

Таким образом, сегодняшняя все большая прагматизация научного познания и его крен в сторону технологий – необходимая и неизбежная, на наш взгляд, ступень и веха в эволюции новоевропейской науки. Она вызвана, во-первых, неспособностью так называемых фундаментальных, чисто теоретических наук дать несомненное знание о мире, во-вторых, тем, что установка на практический эффект и отдачу была встроена в сами основания новоевропейского научно-теоретического знания, и, в-третьих, – несомненной практической эффективностью современной науки. Переиначивая одно выражение из «Капитала» Маркса, они умеют делать это, но не знают и уже даже не хотят знать, почему у них это получается.

* * *

Между тем «неспособность современной методологии маркировать науку и псевдонауку» [Пружинин, 2009, с. 146] вряд ли так уж сильно угрожает подлинной науке и профессиональным научным занятиям. Даже любители гороскопов в газетах, скорее всего, не спутают астролога и астронома. Тем более те, кто финансирует научные исследования, прекрасно отличат астрономов от астрологов. Дело в том, что реальная демаркация науки от псевдонаук разного рода (астрология, френология, ведовство, и т.д.) во многом осуществляется как раз на основе практико-прагматического критерия. Ведь астрологию, френологию и проч. отличают от реальной науки в том числе потому, что они не дают подлинной власти над природой. Общество на самом деле хорошо осознает, что техническую мощь современной цивилизации создала вовсе не «альтернативная наука». Пусть «альтернативная наука» или псевдонаука и могут представляться мотивированными лишь на прагматический эффект, а не на теоретическое знание, но эта мотивация и получаемый эффект принципиально иного рода, нежели в случае с традиционной наукой. Как раз с точки зрения подлинного прагмати-

ческого эффекта (подлинная власть над природой) настоящая наука и псевдонаука несопоставимы.

Так называемая псевдонаука не обеспечивает настоящей объективации. Например, принципы, задающие правила интерпретации астрологических высказываний о реальности, как показывает в своей книге Б.И. Пружинин, носят принципиально расплывчатый характер. Они произвольны и не обеспечивают должной фиксации высказываний на внеязыковой реальности [Пружинин, 2009, с. 146]. Например, непонятно, почему в астрологии планета Марс олицетворяет мужское начало, а также на каких именно свойствах реальности и в какой степени влияние этой планеты должно сказываться.

Отличие же реальных наук от псевдонаук состоит в том, что эмпирические интерпретации первых конкретны, не носят расплывчатого характера и именно поэтому могут давать реальный практический эффект – в отличие от альтернативной науки.

* * *

Таким образом, причины процессов, которые называют все большей нарастающей прагматизацией познания, в огромной степени обусловлены самими фундаментальными науками, их результатами. У Витгенштейна есть следующий образ по поводу оснований математики в «Записях по философии математики»: искать эти основания – это все равно что стараться пририсовывать снизу скалу к нарисованному на бумаге замку, беспокоясь, что иначе замок рухнет. В современной науке и так «все работает», без стояния на конечной теоретической твердой почве или фундаменте: *it works*. Говорят, Витгенштейн очень любил это выражение, возражая против философских поисков оснований: «Оставьте эту чертову штуку в покое, она работает». *It works*.

Поэтому в современной эпистемологии и возник как своего рода ее итог тезис Фейерабенда «*anything goes*». Науке не нужны методологические правила и ограничения, не надо стараться выстраивать непротиворечивую картину оснований той или иной науки, раз это не мешает ее прогрессирующему технологическому развитию. Подходят любая теория и любой метод, лишь бы они работали, давали нужные практические результаты и технологиче-

ские возможности. Соединим два высказывания: «It works, that's why anything goes» («Оно работает, поэтому всё годится»).

Современного методолога науки и эпистемолога без собственно литературоведческих коннотаций можно поэтому в каком-то смысле назвать «лишним человеком». Он рад бы приложить свои усилия на благо науки, способствовать «росту знания». Однако самим ученым он и его рефлексия в их научной работе уже просто не нужны, даже если ученые сами склонны философствовать. Более того, он им просто мешает, задает ненужные с их точки зрения вопросы и слишком усложняет их деятельность. Сами ученые часто являются сторонниками философски невыверенного, прямолинейного реализма и вообще, конечно, склонны ко многим неявным допущениям философского характера. Однако наука в своем развитии набрала уже такую инерцию уверенного движения, независимо от решения фундаментальных философских проблем, что у нее и так «все получается» (пока, конечно). «Мне не известен *ни один* ученый, сделавший заметный вклад в развитие физики в послевоенный период, работе которого существенно помогли бы труды философов. В предыдущей главе я упоминал о том, что Вигнер назвал “*непостижимой эффективностью*” математики. Здесь я хочу указать на другое в равной степени удивительное явление – *непостижимую неэффективность философии*» [Вайнберг, 2004, с. 133].

В результате сегодня фигура методолога науки, на мой взгляд, – это фигура уже сильно уставшего от своей невостребованности со стороны самой науки субъекта. Философия науки очень долго мыслила себя как имеющая обязательный методологический эффект и значение для науки, как в той или иной форме *Wissenschaftslehre*. И если, например, Ильенков еще был полон веры в важность гносеологии и теории познания для науки, то сейчас современные эпистемологи в лучшем случае претендуют на «рефлексию над основаниями познания», на отстаивание идеалов новой, неклассической и открытой рациональности, рациональности как «ценности культуры» (а насколько ценна сама культура?) и т.д. Однако проблема в том, что философия науки возникла и нормально себя чувствовала не только как имеющая в своих глазах высший, философский смысл, но и как обязательно имеющая методологический эффект для науки, как методологически ее поучающая. Эти две функции были неразрывно связаны, и их разрыв – это, безусловно, очень сильный надрыв для философии науки как отдельной дисциплины,

для ее самосознания и самочувствия, который скрыто или явно, но непрестанно дает о себе знать.

Возможно, роль философии науки теперь могла бы состоять в том, чтобы задаться фундаментальными вопросами о причинах собственного неуспеха, о том, почему ей так и не удалось стать эффективной методологией науки, востребованной самими учеными. Тут, конечно, возникает точка бифуркации. Философия и наука связаны тысячами нитей, все науки исторически возникли из философии. С другой стороны, не пришла ли пора «вернуть билет» ученым, «научникам» (выражение Г. Щедровицкого), которые уже очень давно свысока относятся к философам и не пускают к «себе в долю»? Пришла, возможно, пора открыто взглянуть в лицо уже полностью автономной от философии и поиска оснований науке, набравшей уже неостановимую инерцию движения, признать, что «поезд ушел», и пойти по другому пути, пути полной свободы от ангажированности позитивными научными успехами.

* * *

Все большая прагматизация и прикладнизация познания (которая, подчеркнем еще раз, на наш взгляд, является неизбежной в эволюции новоевропейской науки) – часть более широких общекультурных цивилизационных тенденций. Последние нашли свое выражение в феномене так называемой креативности. Современная духовно-интеллектуальная и социокультурная ситуация запрашивает и формирует (в свою очередь им подпитываясь) определенный тип сознания – креативное сознание. Оно доводит стремление к прагматизации и практической выгоде до предела. В той западной социологии, которая имеет очевидный идеологически подтекст, много говорят об этом феномене. В ней приветствуется формирование нового, креативного типа сознания, которое идет на смену традиционно понимаемому творчеству.

Например, у американского социолога Ричарда Флориды есть «теория 3 Т». В книге «Подъем креативного класса» он говорит, что современность характеризуется сопряжением талантов с технологиями и толерантностью. Это и есть три Т, как три кита современного креативного сознания: талант, технологии, толерантность. Технологии и городская толерантная среда, по Флориде, –

главное поле и объекты для реализации сегодня человеческих способностей, талантов.

Главная цель жизни в рамках идеологии 3 Т формулируется как «экспериментальное потребление». Экспериментальное – значит экспериментирующее, постоянно пробуемое свои новые возможности, в чем и должно выражаться креативное начало. Что должна делать креативность, на службу чему она поставлена? Предоставлять новые возможности для непрекращающегося и все более интенсивного потребления и развлекать. Примечателен список достижений креативного сознания, даваемый Р. Флоридой: «Краткий перечень продуктов, созданных за последние годы благодаря динамичному взаимодействию искусства и науки, входят iPod и видеоигры, интернет-блоги и электронные книги, виртуальные музыкальные студии и система дистанционного университетского образования. Если мы хотим роста этих технологий и новых индустрий, то нам надо меньше тратить времени и усилий на спасение и стимулирование старой экономики и больше заниматься построением новой»¹.

Посмотрим на этот список чуть более внимательно. iPod и видеоигры относятся к сфере развлечений. Интернет-блоги дают простор для практически любого самовыражения и тем самым сильно понижают планку того, что вообще можно признавать достойным обнародования, публикации. То же самое, наверно, можно сказать про виртуальные музыкальные студии. Что касается дистанционного университетского образования, то повышение его доступности оборотной своей стороной имеет уменьшение его фундаментальности, основательности и серьезности.

Чем креативность отличается от творчества и почему наше время ощущимо нетворческое – несмотря на постоянное возникновение и промоушен чего-то нового, его безудержный культ? Во-первых, креативность завязана на технологии, а значит, и на более или менее стандартизированное производство, в то время как творчество призвано творить уникальные произведения, шедевры. Креативность же означает очень быструю смену одной серии стандартного продукта с привлекательным дизайном очередной серией другого продукта. Креативность – это ремесленный и производственный процесс.

¹ Флорида Р. Почему агрессоры проигрывают. – Режим доступа: <http://www.e-xecutive.ru/knowledge/announcement/1621383/>

В этом смысле, например, Стив Джобс был гением креатива, а не творчества. Сейчас производится как никогда много вещей, и в то же время наше время является преимущественно нетворческим.

Во-вторых, творчество бескорыстно, креативность же, встроенная в современную постиндустрию, ориентируется всегда на извлечение прибыли, выгоды. В экзистенциальном плане креативность обязательно запрашивает более или менее комфортную жизнь. Как минимум жизнь без лишений и жертв. Наверное, нетипичным является образ работника креативной сферы, который был бы при этом по жизни бесребреником.

В-третьих, горизонт креативности в целом замыкается пределами посюстороннего жизненного процесса, который становится главным содержанием деятельности и цели общества. Творчество же призвано выходить в иное измерение, ставить человека лицом лицу с совершенно иной, подлинной реальностью. Степень этой инаковости в разных культурных традициях может быть разной. Для религии это трансцендентный Бог, для классической новоевропейской науки это внешний объективный мир. В последнем случае степень инаковости меньше, но тут человек должен все равно преобразовываться и соотносываться с иной, фундаментальной реальностью.

Однако сегодня мы живем в обществе, которое, пользуясь мощными техническими возможностями, нарастило себе беспримерно огромное цивилизационное тело, живущее в условиях радикально измененной, преобразованной внешней среды. Бог и мир все больше заслоняются гигантской цивилизационной и социальной машинерией. Человек все больше самозамыкается в мире созданных им самим объектов и знаков и начинает иметь дело лишь с самим собой и собственными горизонтальными потребностями. Эпоха креативного сознания, пришедшая на смену эпохе постмодерна (в нем помимо игры были хотя бы вызов, провокация и скрытая тоска по подлинному), и есть мир самозамкнувшегося горизонтального человека. Он уже все больше теряет понимание и вкус к тому, что это такое на самом деле – тайны и книги о них.

Список литературы

1. *Бибихин В.В.* Примечание к работе Хайдеггера «Вопрос о технике» // Хайдеггер М. *Время и бытие*. – М.: Республика, 1993. – С. 3–15.

2. *Бэкон Ф.* Сочинения: В 2 т. – М.: Мысль, 1972. – Т. 2. – 582 с.
3. *Вайнберг С.* Мечты об окончательной теории. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 353 с.
4. *Гайденко П.П.* История новоевропейской философии в ее связи с наукой. – СПб.: Университетская книга, 2000. – 456 с.
5. *Гейзенберг В.* Часть и целое. – М.: URSS, 2001. – 300 с.
6. *Декарт Р.* Избранные произведения. – М.: Государственное издательство политической литературы (Политиздат), 1950. – 712 с.
7. *Касавин И.Т.* Междисциплинарные исследования в контексте рефлексии и габитуса // Междисциплинарность в науках и философии. – М.: Институт философии РАН, 2010. – С. 15–35.
8. *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и методология. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. – 280 с.
9. *Пружинин Б.И.* Ratio serviens. Контуры культурно-исторической эпистемологии. – М.: РОССПЭН, 2009. – 422 с.
10. *Пуцаев Ю.В.* Политика и дружба. – М.: Московская школа политических исследований, 2009. – 256 с.
11. *Флорида Р.* Почему агрессоры проигрывают. – Режим доступа: <http://www.e-executive.ru/knowledge/announcement/1621383>.

References

1. *Bibihin V.V.* Primechanie k rabote Hajdeggera «Vopros o tehnike» // Hajdegger M. Vremja i bytie. – М.: Respublika, 1993. – S. 3–15.
2. *Bjekon F.* Sochinenija: V 2 t. – М.: Mysl', 1972. – Т. 2. – 582 s.
3. *Vajnberg S.* Mechty ob okonchatel'noj teorii. – М.: Editorial URSS, 2004. – 353 s.
4. *Gajdenko P.P.* Istorija novoevropejskoj filosofii v ee svjazi s naukoi. – SPb.: Universitetskaja kniga, 2000. – 456 s.
5. *Gejzenberg V.* Chast' i celoe. – М.: URSS, 2001. – 300 с.
6. *Dekart R.* Izbrannye proizvedenija. – М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury (Politizdat), 1950. – 712 s.
7. *Kasavin I.T.* Mezhdisciplinarnye issledovanija v kontekste refleksii i gabitusa // Mezhdisciplinarnost' v naukah i filosofii. – М.: Institut filosofii RAN, 2010. – S. 15–35.
8. *Nikiforov A.L.* Filosofija nauki: istorija i metodologija. – М.: Dom intellektual'noj knigi, 1998. – 280 s.
9. *Pruzhinin B.I.* Ratio serviens. Kontury kul'turno-istoricheskoi jepistemologii. – М.: ROSSPJEN, 2009. – 422 s.
10. *Pushhaev Ju.V.* Politika i družba. – М.: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij, 2009. – 256 s.
11. *Florida R.* Pochemu agressory proigryvajut. – Rezhim dostupa: <http://www.e-executive.ru/knowledge/announcement/1621383>.